

II.

Воспоминанія о прошедшем г. Кременца (отъ 1827 г. по настоящее время).

Ни съ сѣверной, ни съ югозападной сторонъ, единственныхъ путей въ г. Кременецъ, вы и за полверсты не увидите того, что называется собственно городомъ: развѣ только глазамъ вашимъ представится замокъ Бона, мѣстами развалившійся. Съ сѣверной стороны, по такъ называемой Дубенской и Почаевской дорогамъ, и окрестности и самые предметы не представляютъ ничего живописнаго. Влѣво—Крестовоздвиженская церковь,—миниатюрная, убогая и, мелькнетъ только съ правой стороны отъ вѣзда—Богоявленскій монастырь, заброшенный гдѣ-то въ саду. Совсѣмъ иное видно съ югозападной стороны, при спускѣ съ крутой горы.—Предъ вами сперва разстилаются на двухъ-трехъ холмахъ сады, въ видѣ сплошнаго лѣса, съ живописно выглядывающими промежъ нихъ хижинами. Хижины не одиноки: онѣ обстроены гумнами; значить жители—хлѣбопашцы. Вотъ изъ закоулка тихимъ шагомъ идетъ небольшое стадо, сзади котораго слышенъ пастушескій рожокъ. То тамъ то сямъ проходитъ пахарь, а поперегъ дороги проскрипѣлъ возъ со снопами. По одалъ отъ пути, на такъ называемыхъ здѣсь «шарагахъ», развѣшены десятки шнуровъ табаку; значить жители, кромѣ хлѣбопашества, занимаются еще и табачною промышленностію. Это вы видите предмѣстье города—Туники, съ царящей по среди его довольно красивой Богородичной церковію. Вправо, надъ глубокой крутизной, раскинуты въ безпорядкѣ и еще домики. Наконецъ, по направленію къ центру города, вы увидите прекрасную семинарскую церковь

съ зданіями, и отъ ней уже не отрываете взоровъ дотолѣ, пока, опускаясь почти перпендикулярно, вы не вступите наконецъ въ какое-то грязное ущелье, занимаемое собственно городомъ. Самый городъ весьма неопрятенъ. Тѣ же жилища Израиля, лишеныя древесной тѣни, та же тѣснота и беспорядокъ, какъ и въ другихъ уѣздныхъ городахъ Волыни.

Бросивъ бѣглый взглядъ на городъ, вы несомнѣнно прежде всего и главнѣе всего зададитесь вопросомъ: гдѣ же древніе православные храмы, которые здѣсь должны же быть, какъ въ городѣ, испоконъ-вѣка русскомъ? Вѣдь и семинарская церковь, и нынѣшній Николаевскій Соборъ, и Богоявленскій монастырь своею архитектурой свидѣтельствуютъ о своемъ неправославномъ происхожденіи: первая освящена въ православный храмъ изъ іезуитскаго костела, — второй—изъ Францисканскаго и третій—изъ реформатскаго.—Гдѣ же древніе памятники православія города? Ихъ невидно, потому что одни изъ нихъ вытѣснены на самый край города, какъ на пр: Крестовоздвиженская и Туницкая Рождество-Богородичная церковь; другіе же давно уничтожены, такъ что иногда трудно даже отыскать самое мѣсто ихъ существованія. Многіе ли изъ Кременецкихъ жителей знаютъ, что на горѣ Сычовкѣ существовалъ нѣкогда православный Спасскій монастырь, а на мѣстѣ нынѣшняго Кременецкаго Духовнаго Училища въ первой половинѣ XVII в. основанъ былъ православный Богоявленскій братскій монастырь съ типографіею и богадѣльнею; и что за Кременецкимъ потокомъ существовала нѣкогда православная Воскресенская церковь. Памятнѣе для Кременецкихъ старожиловъ пепелище православнаго храма, пламя котораго еще такъ недавно поразило православныхъ жителей города. Мы разумѣемъ здѣсь Николаевскій Соборъ, нѣсколько разъ мѣнявшій свое мѣстоположеніе и находившійся въ древности въ центрѣ крѣпости Боны (1). Пройдите отъ нынѣшняго Собора четыре-пять домовъ, и здѣсь, по

(1) См. Пам. книж. Волыш. губ. на 1867 г.

правую руку, вы увидите площадку, на которой еще сорокъ лѣтъ тому назадъ видѣлись остатки погорѣвшей соборно-Николаевской церкви, а поодаль ея домикъ, въ коемъ жилъ до 32 года присно-памятный пастырь, быстрыми шагами взошедшій на столичную митрополию, протоіерей Григорій Рафальскій, впослѣдствіи Антоній Митрополитъ С.-Петербургскій. Церковь сгорѣла въ 1802 году. Пишущій эти строки слышалъ отъ упомянутаго пастыря, что и ксендзы того времени и Евреи прикасались послѣ сего къ своимъ опрѣснокамъ оскверненными по сему случаю руками. Да и какъ же быть въ самомъ центрѣ города схизматичскому храму? какъ гудѣть колоколамъ его въблизи еврейскихъ домовъ, въ которые заѣзжаютъ ясне освѣщенные Чарторыйскій, Сапѣга, Радзивиллъ, Чацкій и другіе свѣтлѣющіе знаменитости панскія?! (1) Этотъ многострадальный соборъ особенно замѣчателенъ для насъ тѣмъ, что онъ былъ свидѣтелемъ и главнымъ дѣятелемъ въ послѣдней борьбѣ православія и русской народности съ Полонизмомъ и Католическою пропагандою. Представителемъ перваго былъ извѣстный Ѡаддей Чацкій, а послѣдней—Римскокатолическое Кременецкое духовенство.

Дѣятельность Чацкаго принадлежитъ времени, непосредственно слѣдовавшему за воссоединеніемъ здѣшняго края съ Россіей. Ѡаддей Чацкій, уроженецъ Волынской губерніи, Владимірскаго уѣзда, сынъ богатаго помѣщика (м. Пориска) Щеснаго Чацкаго, родился 1765 года. Воспитанный іезуитомъ Фавстиномъ Грудзинскимъ, развившимъ въ немъ энергію *do nec plus ultra*, (2) Чацкій принялся за дѣло возстановленія упавшей Польшы со всею энергіей, и для этой цѣли, прежде всего приобрѣлъ чинъ тайнаго совѣтника, (около 1796 г.) потомъ сочинилъ для себя дол-

(1) Послѣ пожара, Николаевскій соборъ былъ въ двухъ келліяхъ, базилианскаго, прежде православнаго монастыря, гдѣ и оставался до 1833 года, въ которомъ переведенъ въ нынѣшній по-францисканскій костелъ.

(2) O życiu i piśmach T. Czackiego. Осинскій.

жность генеральнаго визитатора училищъ—Кіевской, Волынской и Подольской губерній, и въ этомъ званіи на собранія пожертвованія основалъ въ губерніяхъ—Кіевской, Волынской и Подольской 8 уѣздныхъ училищъ, кромѣ трехъ существовавшихъ прежде, а именно—владимірское на Волыни, добровицкое, любарское, бердичевское, овручское, житомирское, барское и винницкое, и 126 парафіальныхъ школокъ или приходскихъ училищъ (1). Но главнымъ предметомъ его попеченій и заботъ было основаніе кременецкой гимназіи, обращенной потомъ въ лицей, предпринятое имъ «для сохраненія дорогаго наслѣдства—языка своихъ единоплеменниковъ», для приданія имъ жизненной силы, и въ доказательство того, «что упадокъ ойчизны не повлекъ за собою упадка доблести и наукъ», словомъ — для помонизаціи края. Открытая въ пользу гимназій подписка принесла Чацкому 415,720 злот. польскихъ или 62,358 руб. сер. Изъ числа этой суммы болѣе 10000 злот. пожертвовано 4-мя русскими монастырями базилиановъ—унійтовъ и болѣе 14,000 злот. потомками древнихъ русскихъ князей—Четвертинскими, Чарторыйскими, Яблоповскими, Любецкими, Воронежскими и др.... Уставъ гимназіи Высочайше утвержденъ 29 іюля 1805 года. Этимъ же указомъ пожертвованы гимназіи іезуитскія принадлежности; а указомъ 13 октября 1806 г. для содержанія училищныхъ филантропическихъ и хозяйственныхъ заведеній при волынской гимназіи уступлены для нея доходы съ староства кременецкаго, бывшіе дотолѣ въ пожизненномъ владѣніи умершаго князя Сангушка.

Кременецкая гимназія открыта была 10 октября 1805 года. Она состояла изъ четырехъ низшихъ классовъ одно-

(1) O życiu i piśmach Tadeusza Czackiego, Osinińskiego, 1816 г. стр. 74, 146, 343—345. См. Вѣст. Зап. Росс. 1865-6 г. кн. II, отд. IV, стр. 135. «Воспоминанія о Волыни» Кульжинскаго. Впрочемъ большая часть этихъ училищъ—не основана, а преобразована изъ прежнихъ базилианскихъ школъ.

лѣтнихъ и изъ трехъ высшихъ курсовъ двулѣтнихъ; слѣдовательно, весь курсъ ученія въ ней совершался въ 10 лѣтъ. Въ низшихъ четырехъ классахъ было обращено преимущественное вниманіе на изученіе языковъ—польскаго, *россійскаго*, Латинскаго, французскаго и нѣмецкаго, и на общія такъ называемыя гимназическія науки въ элементарномъ ихъ объемѣ. А въ трехъ высшихъ курсахъ въ продолженіе 6 лѣтъ были преподаваемы (обязательно для всѣхъ учениковъ) слѣдующія науки: математика, топографическое черченіе, физика, естественная исторія, химія, всеобщая исторія, естественное, гражданское и народное право, политическая экономія, Литература польская, *россійская*, греческая, латинская, французская и нѣмецкая. Очевидно, что *россійскій* языкъ и литература русская, допущены были въ уставъ гимназій только изъ приличія, на показъ, для закрашки, потому что безъ нея слишкомъ сквозила бы пропагандивная цѣль заведенія и проектъ его устава могъ быть не утвержденъ, а для русскихъ людей не было бы приманки въ заведеніе. Въ гимназій допущенъ былъ даже и православный законоучитель, и однимъ изъ послѣднихъ законоучителей лицей былъ протоіерей Григорій Рафальскій, впоследствии митрополитъ С.-петербургскій Антоній.

Недовольствуясь гимназіей, Чацкій задумалъ открыть лицей кременецкій. Для открытія его нужны были и особенныя матеріальныя средства; но надъ ними не задумывался Чацкій. По его ходатайству и представленію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Петра Завадовскаго, Высочайшимъ указомъ 13 іюля 1807 г. уступлены гимназій отстроеныя каменныя зданія, принадлежавшія Богоявленскому уніятскому, прежде православному братскому монастырю кремснецкому, а монастырю сему уступлены зданія реформатскаго кременецкаго монастыря; реформаты же переведены въ с. Дедеркалы, гдѣ они находятся и до нынѣ. Кромѣ того Чацкій подалъ мысль и самъ же помогъ привести ее въ исполненіе, чтобы, для управленія дѣлами поіезуитскихъ имѣній и капиталовъ,

были учреждены въ Россіи двѣ эдукціонныя комиссіи: одна для губерній кievской, волынской и подольской, а другая для пяти губерній Бѣлорусскихъ. Одна изъ этихъ комиссій открыта въ г. Кременцѣ, по указу отъ 21 декабря 1807 г. и раздѣлена въ послѣдствіи на двѣ комиссіи экономическую и судебную. Будучи назначенъ предсѣдателемъ этой комиссіи, Чацкій распуталъ дѣла самыя многосложныя и открылъ въ пользу училищъ изъ доходовъ и процентовъ поіезуитскихъ имѣній и капиталовъ фундушъ въ 2,350,000 злотыхъ польскихъ, или въ 352,500 руб. сер. Эти средства дали Чацкому возможность расширить кругъ предметовъ преподаванія въ гимназіи. Указомъ 27 іюля 1807 г. учреждена была при кременецкой гимназіи школа геометровъ. Кромѣ того заведены были— школа механики, астрономическая обсерваторія съ лучшими въ то время инструментами и превосходный ботаническій садъ съ 5,000 слишкомъ растеніями, число которыхъ въ послѣдствіи достигло до 12,000 экземпляровъ рѣдкихъ растеній. Съ тѣмъ вмѣстѣ Чацкимъ приглашены были помѣщики поселиться съ семействами своими въ Кременцѣ, гдѣ молодые люди могли проводить свободное отъ занятій время съ пріятностію и пользою для себя. Гимназія преобразована въ лицей 1809 года. Въ побазиліанскихъ зданіяхъ бывшаго Богоявленскаго монастыря, въ первомъ или нижнемъ и во второмъ этажѣ ихъ помѣщалась православная соборная Николаевская церковь, также эдукціонная комиссія, школы механики, лицейское казначейство и нѣкоторые чиновники лицея, механическая каменная кузница, два деревянныхъ амбара, конюшня и сарай, манежъ для обученія верховой ѣздѣ и аптекарскій огороδικъ.

Перечисляя всѣ учрежденія и планы Чацкаго касательно Кременецкаго лицея, нельзя не отдать чести его энергіи и уму. Современники называли его геніемъ, а отчасти признають его такимъ и теперь. Дѣйствительно, благодаря планамъ и усиліямъ Чацкаго, польскій языкъ до толѣ смѣшанный съ латинью, въ первый разъ получилъ теперь господство надъ нею и очистился. Вообще все обра-

зование лица отрѣшилось отъ прежняго, іезуитскаго схоластическаго метода ученія и приняло живой и практической характеръ. Къ сожалѣнію, всѣ эти заботы о живомъ и практическомъ образованіи имѣли своею цѣлю единственно ополяченіе здѣшняго края и возстановленіе само-бытноты Польши, въ составъ которой входили бы и здѣшнія русскія области. Ботаника, имѣвшая предметомъ своимъ изученіе растительности здѣшняго края, исторія и народное право Польши и самое даже мѣстоположеніе Кременецкаго лица, вдали отъ Правительственнаго центра и въ сосѣдствѣ съ Австрійскою границею, за которую могли скрываться въ случаѣ опасности;—все направлено было къ одной завѣтной цѣли... Впрочемъ первыя движенія, по задуманнымъ планамъ, отъ 1805—1827 г. какъ рассказываютъ это старожилы, были не такъ смѣлы, потому что съ одной стороны боялись обнаружить преслѣдуемая цѣли, съ другой опустить изъ своего вида инициативу Правительственныхъ распоряженій относительно здѣшняго края. Но когда силы поляковъ, какъ имъ казалось, созрѣли; то планы ихъ прилагались къ дѣлу смѣло и дерзко. Два-три года предъ революціей 31 года, коихъ пишущій былъ очевидцемъ, наполнены тысячами плачевныхъ эпизодовъ изъ жизни русскаго Православія, обуреваемого польскимъ Католицизмомъ.

Вотъ напр. для чего и какъ въ это время жили призванные сюда польскіе магнаты. Представьте себѣ катящіяся ежедневно то изъ города, то въ городъ, карету за каретою, запряженныя въ 12 и болѣе лошадей цугомъ, въ красныхъ хомутахъ съ звонками и побрякушками, кареты, изъ которыхъ выбрасываются зѣвакамъ деньги потому лишь, что они зѣваки, изъ которыхъ указчикамъ требуемыхъ домовъ даютъ рубли; вообразите себѣ кучу джентлменовъ съ набитыми карманами, бросающихъ деньги куда попало, за самомалѣйшую услугу, напр. поднятіе перчатки, хлыста, платка и т. п.,—за шутку, фокусъ, а особенно «фацецію», до которыхъ поляки такіе охотники; представьте себѣ толпу паней, съ лакеями позади, идущихъ

щихъ на «шпацеръ» въ оба конца города и тамъ обдѣляющихъ разнаго рода праздныхъ людей не гривнами и злотыми, а полтинами и рублями, и вы будете имѣть полную картину панской роскоши и расточительности. Но обратите эту картину на изнанку, и вы тамъ увидите, какъ бѣдный русскій хлопъ, борясь съ голодомъ и холодомъ, долженъ былъ усиливать потовые труды свои надъ снисканіемъ въ болотѣ и навозѣ крупницъ богатства для своего пана. За поднесеніе, напримѣръ, стакана воды изъ потока давали двугривенный, за яблоко—злотый, за яйцо—пять копѣекъ, а у бѣдныхъ рабовъ ежели бы выворотить всѣ карманы наружу, то не нашлось бы и мѣдной монеты на свѣчку предъ образомъ. А баламъ, музыкамъ, загороднымъ увеселеніямъ не было и конца: Кременецъ превратился въ вѣчный пиръ. И удивительно ли, что, при такой щедрости пановъ, онъ едѣлался притоновъ всевозможныхъ шарлатановъ, туземныхъ лѣньтяевъ, и всесвѣтныхъ пролетаріевъ? И удивительно ли, что многіе изъ здѣшнихъ мѣщанъ, съ перемѣной роднаго кафтана на макейскую ливрею, изъ русскихъ Ивановъ, Григоріевъ, Якововъ и Матѣевъ, превратились въ Яновъ, Гржегоржевъ, Яценыхъ, Мацѣевъ и т. п. И можно ли было хоть на минуту усумниться, что весь этотъ народъ, по первому сигналу пановъ, не станетъ въ ряды польскихъ мятежниковъ?

Но на вербованные имѣли другое назначеніе,—это командировку внѣ Кременца и вербовку; ибо Кременецъ не есть стратегическій пунктъ,—это—поле дипломатіи и науки, которое, въ случаѣ военной неудачи, бережетъ себя, а слѣдовательно и край, на будущее время: «мы де люди мирной науки, а люди такой науки, не войны; слѣдовательно намъ никто не можетъ приписать единства намѣреній съ этими испортившими дѣло ганганами шайдаками»!...

На ряду съ панами дѣйствовали и Кременецкіе псевдзы. Распростирая намъ свои объятія, они давали намъ мѣсто въ своихъ, предъ тѣмъ пустыхъ, костелахъ и средствомъ

къ завлеченію насъ туда избрали: музыку, казанья, эффектныя сцены, елѣмозину и т. п.

Нужно было имѣть уши покойника, чтобы, проходя среди двухъ противоположащихъ Кременецкихъ костеловъ, не зайти въ который либо изъ нихъ и не поглядѣть, что это тамъ за диковина и невидаль такая,—что это тамъ за шумный и трубный звукъ и ляментъ». Когда вы вошли, вамъ любезно предлагаютъ сѣсть; а посидѣвъ и наслушавшись не всегда цѣломудренныхъ—музыки и казанья, вы уносите домой сильное впечатленіе. Если вы изъ любопытныхъ, и зашли во второй и третій разъ, то вы становитесь жертвою Католицизма. Костельный «дзядекъ» доносить объ васъ агентамъ, которые, разузнавъ о вашемъ положеніи, тотъ часъ же предлагаютъ вамъ, смотря по обстоятельствамъ, заступничество, покровительство и наконецъ «елѣмозину» въ томъ случаѣ, если вы оставите «схизму». Эта сѣть, сколько извѣстно пишущему, уловила: Будяковъ, Ключовъ, Скакуновъ и другихъ. Болѣе всего ксендзы завлекали къ себѣ народъ въ праздники Рождества Христова и Пасху своими сценическими представленіями. И какой тутъ не было тогда невидали и трагикомическихъ сценъ? Тутъ были разныя сцены изъ убіенія 40 тысячъ младенцевъ; тутъ вертепъ, а въ немъ мольба съ куклой, представляющей собою предвѣчнаго, качаемая куклами же; тутъ пѣсни куколъ и «колядки» паней, распѣваемыя подъ звукъ органовъ; тутъ наконецъ, представленія и изъ обыденной жизни, съ направленіемъ въ пользу «вяры» и «ойчизны»; короче, тутъ—все, что могло удовлетворить самаго взыскательнаго зрителя. Но, глядя на удачное выполненіе ролей каждымъ актеромъ, зритель не могъ апплодировать, ибо—де—это костель, а не какой нибудь театръ. Послѣ праздниковъ, вертепъ переносился въ ближайшія къ городу села съ музыкою, чтобы и «хлопи», видѣли эффектность, а слѣдовательно и превосходство панства передъ «хлопской вярой». Къ чести базилианъ, они этого не дѣлали.

Въ ночь предъ Воскресеніемъ Христовымъ костелы отворены; отворены также и православные храмы,— и жители города—то и дѣло цѣлыми толпами снуютъ изъ одного костела или храма въ другой. Но если они и заходятъ въ Православный храмъ, то не долго остаются въ немъ, потому что въ костелахъ и у базилианъ ихъ ждуть привлекающія сцены. Тамъ при гробѣ стоятъ два стража—чучела, попеременно, то перемигающіяся, то шевелящіяся (отъ сотрясенія пола посѣтителями); тамъ изумительная обстановка: богатство убранства, свѣжесть и запахъ цвѣтовъ и даже пѣніе птицъ. Гдѣ же, однакожь, умершій Господь, чтобы поклониться Ему и облобызать Его? Вы бы хотѣли, чтобы такая святыня была доступна каждому поклоннику, какъ и у православныхъ. Но у ксендзовъ для всеобщаго лобызанія есть «крыжъ» на землѣ, а самъ „Pan-Bóg“ покоится во гробѣ. Вѣдь нельзя же допускать къ Нему всякое мѣшанство. А пана? Пана, если онъ былъ любопытенъ, вводили до „Pana Boga“ скрытымъ входомъ. У базилианъ было менѣе роскоши; но какъ бы рано ни праздновалась Пасха, у нихъ всегда была свѣже-распущенная древесная и растительная зелень и билъ импровизированный фонтанъ. Францискане, помѣщавшіеся въ тѣхъ зданіяхъ, гдѣ нынѣ Николаевскій соборъ, сверхъ всего этого съ великаго четверга отворяли ворота въ такъ называемую кальварію—лобное мѣсто. Кальварія, это—площадь, обведенная стѣной со сводами, на которыхъ изображены страданія Господа, въ цѣлый ростъ. И какой нибудь субдіаконъ,—то и дѣло, что рассказываетъ объ изображенныхъ событіяхъ. Казалось бы, тутъ не было ничего предосудительнаго со стороны ксендзовъ. Оно, пожалуй, могло бы быть и такъ, если бы «велебный субдіаконъ» не прибавлялъ при этомъ: «у Руси того (т. е. страданія Господа) нима», и если бы, въ концѣ концовъ, онъ не останавливалъ своей бесѣды на одной группѣ изображенныхъ ксендзовъ долѣе, чѣмъ на страданіяхъ Господа. Теперь послушаемъ бесѣды его. «Кто з шановнего згромадзеня скажетъ миѣ, кто это такой, указываетъ онъ на одного изъ бритыхъ?»

«Кто отвѣчалъ на примѣръ, что это свѣтый францискъ,»
 «и угадывалъ,— тотъ удостоивался ласковаго привѣта:
 «добрже, муй коханный», и получалъ два-три злата «съ
 «кишени» милостивца. А это кто такой, указывалъ онъ на
 «другаго? То свѣтый папѣжь Гржегоржь 7 Гильдебрандъ:
 «онъ наврацалъ схизматыковъ на свѣту католицку вѣру».
 «—Добрже, муй коханный, зайдзіемъ до реѣктаржу» т. е.
 въ столовую, и т. п. И все это оканчивалось, если это
 было въ великій четвертокъ, роскошнымъ столомъ для
 отвѣтчиковъ и ихъ суффлеровъ «костельныхъ дзядековъ».
 Такъ приготовляли кременецкіе ксендзы народъ къ стра-
 стямъ Христовымъ.

Не менѣе любопытенъ способъ, придуманный ими для
 завлеченія къ себѣ дѣтей.—Для этой цѣли имѣлось у нихъ
 множество «комешекъ», въ родѣ нашихъ стихарей, въ
 которыя дозволялось одѣвать всякаго мальчика, взятаго
 для служенія «до мшы». Кромѣ комешки, мальчика снабжали
 еще знонкомъ, такъ пріятнымъ для всякаго дитяти, чтобы
 онъ позванивалъ при извѣстныхъ дѣйствіяхъ патера.
 Подобныхъ прислужниковъ бывало иногда по восьми за
 разъ. Послѣ мшы имъ раздавали яблоки, булки, игрушки,
 деньги и проч., съ условіемъ, чтобы въ другой разъ они
 не стояли безгласными, а произносили бы, по указанію—
 amen, и т. п. Потомъ учили ихъ—Pater noster, Credo и проч.,
 и, кто былъ переимчивѣй, тотъ скорѣе удостоивался по-
 вышенія на вторую и третью ступень костельныхъ при-
 служниковъ, и ему уже вовсе не внушалось повинненія
 родителямъ, особенно по отношенію къ вѣрѣ, а напротивъ,
 какъ новому и молодому воину католицизма, повелѣвалось,
 по первому призыву спѣшить въ костель для облаченія въ
 костельную одежду. А думаетель, что родителямъ легко
 было отнять эту невинную добычу? Послушайте, по этому
 случаю, бесѣды «przełożonego (настоятеля) съ родителями».
 Не ужели, скажетъ онъ, дѣтямъ вашимъ легче рубить
 топоромъ, шить, копать, чѣмъ служить самому Богу? А
 ежели вы тяготитесь ихъ содержаніемъ, то знайте, что ихъ
 будетъ кормить и одѣвать Самъ «Pan Iesus», и не должно

быть такого безумца, который бы отказался отъ этой пищи и отъ этой одежды. Ежели вы не хотите видѣть ихъ въ недалекомъ будущемъ ксендзами; то не запрещайте имъ, по крайней мѣрѣ на нашъ счетъ, выучиться грамотѣ и потомъ поступить въ услуженіе именитому пану (а пановъ было много въ Кременецѣ) чтобы ходить во фракѣ, а не въ свитѣ и дегтарныхъ сапогахъ. Вотъ и тебѣ отецъ или мать, «костельная елемежина» (милостыня); оставь схизму, — и будешь имѣть черезъ насъ большіе заработки.

Читатель можетъ догадаться, чѣмъ не рѣдко оканчивались совѣты „przełożonego,“ — т. е. настоятеля. И вотъ тебѣ, православно-русская родина, — еще одинъ, еще два—три старыхъ измѣнника, — еще пять, еще десять маленькихъ ренегатовъ, будущихъ враговъ твоихъ! По крайней мѣрѣ рѣдкіе спаслись отъ этого польскаго навожденія и уводили своего сынка отъ ксендзовъ разъ на всегда. Такъ спасеннаго я зналъ одного Кирилюка, а погибшихъ: двухъ братьевъ Кротовичей, Рожанскаго, Лотоцкаго, Малюжкевича и многихъ другихъ, забытыхъ по фамиліямъ. Я умалчиваю уже о трещоткахъ, бубенчикахъ, погремушкахъ, куклахъ, раздаваемыхъ изъ костела предъ праздниками и въ самые свѣтлые праздники для завлеченія дѣтей къ игрѣ вокругъ костела. Это было причиной того, что весь юный Кременецкій людъ почти и не заглядывалъ въ православные храмы.

Такимъ образомъ неводъ ксендзовскій былъ такъ сплетенъ, что уловлялъ людей всякаго званія и образа жизни и состоянія. Для мыслящихъ наприм. полагались казанія, для любителей театровъ — комедіи, для бѣдныхъ — елемежина или подкупы, для дѣтей — игрушки и забавы. И продлись еще три-четыре года эта панская охота, весь Кременецъ превратился бы не только въ Гржегоржовъ, Мацеевъ и Яцентыхъ, а въ Аланзіевъ, Непомуценовъ, Кароловъ, Щепановъ и Владыславовъ. Но какъ говоритъ Кременецкая же пословица: «кого хочетъ Богъ покарать, у того разумъ отбираетъ». Нужно было полякамъ взбун-

товаться, и долготѣнная постройка ихъ разсыпалась въ прахъ. Жизнь потекла новая.

Громъ пушекъ и стукъ оружія подѣ Боремлемъ 1831 г. указали Правительству ненормальное теченіе Кременецкой жизни. Оно увидѣло, что бунтовщиками должны быть названы не одни стрѣлявшіе подѣ Боремлемъ и рѣзавшіе въ Варшавѣ, а и кременецкіе лицейсты и ихъ союзники францисканскіе ксендзы, а потому закрыло Лицей и изгнало францисканъ изъ Кременца. Зданія первыхъ уступлены за 200,000 р. асс. православной Семинаріи, а зданія послѣднихъ отданы подѣ православный Николаевскій соборъ (1832). Послѣ столь сильнаго удара польщизинѣ, бурная жизнь Кременца, вступила въ природные берега; виѣшняя фізіономія города получила болѣе скромный видѣ, а воспоминаніе о недавно прошедшемъ—коренномъ русскомъ и православномъ оживило характеръ русской народности. Уже вражескіе кони не топчутъ болѣе нашей земли, и колесницы, готовыя раздавить прохожихъ (какъ случалось нерѣдко), не виднѣются въ нашемъ городѣ; но онъ однако же не остался пустымъ. Вмѣсто пышныхъ колесницъ и надменныхъ всадниковъ, подѣ вечеръ проходятъ тамъ и сямъ безѣ всякихъ притязаній на моду и роскошь, наставники Семинаріи, отдыхающіе послѣ цѣлодневныхъ занятій; да утромъ виднѣются группы молодыхъ людей, спѣшащихъ куда-то, безѣ шуму и гаму, какъ это бывало у лицейстовъ. Это семинаристы, идущіе въ классъ....

Перенесеніе Семинаріи въ Кременецъ не осталось безѣ вліянія на жителей. Оно особенно отразилось на томъ общественномъ слоѣ, который не въ силахъ выработать ничего своего и отличается подражательностію: мы разумѣемъ мѣщанство. Какъ во всемъ строѣ жизни, такъ и въ самомъ говорѣ оно начало болѣе тяготѣть къ родному русскому. Въ религіозномъ отношеніи благотѣльно повліяло на горожанъ торжественное православное богослуженіе, съ архимандритомъ во главѣ, и стройное пѣніе въ Семинарской церкви. А крестные ходы численнаго

духовенства, также во главѣ съ архимандритомъ, оглашаемые тѣмъ же стройнымъ хоромъ пѣвчихъ, могутъ ли невозбудить умиленія въ жителяхъ и непробудить въ нихъ стремленія къ родному, коренному, православному? Но, такъ какъ православіе никогда не вело и не ведетъ пропаганды, а съ другой стороны, такъ какъ въ Кременцѣ есть костелъ, . . . то и Мацеи, Гржегоржы, Яцентые и Яны медленно и неохотно возвращаются въ лоно православія. Недавнія событія (1859 г.), по случаю ренегатства этихъ Шимашевскихъ, Котковскихъ, Лотоцкихъ и другихъ ясно доказали, что костелъ былъ, есть и будетъ *ecclesia militans*, что съ нимъ, кромѣ религіозной борьбы, нужно вести борьбу политическую. Къ сожалѣнію, надо здѣсь упомянуть, что въ этой дерзости и регенатовъ и ксендзовъ правительство еще разъ не замѣтило кануна 63 года. Ксендзы—это термометры, опредѣляющіе политическую атмосферу: когда они возносятъ рогъ свой, то того и гляди, что не за горами политическая смута. Теперь возвращаемся и зываемъ къ твоей тѣни Чацкій! Да, Чацкій, ты внесъ много зла въ Кременецъ и всю западную Русь! Тебѣ, а не другому кому, страна обязана послѣдними смутами (отъ 1863—1865 г.); изъ твоего лица разсыпались по всей странѣ люди, всегда готовые бросить камнемъ въ долготерпѣливое Правительство. И для чего все это? Для того, чтобы непрерывать нити своихъ затѣй—воскрешенія памятной намъ буйной польской ойчизны. И православные священники, обиженные, загнанные и мучимые, тебѣ обязаны слезами; и стрѣлокъ въ Парижѣ—сынъ Кременецкаго лицейста. Да, Чацкій, исторія впишетъ твое имя на своихъ страницахъ, но не съ тѣми эпитетами, какіе придалъ тебѣ твой польскій біографъ Осинскій, а съ эпитетами—хитреца, величайшаго льстеца и врага православной русской народности, союзника и посланника папы на зло Россіи!

Съ 1864 года Кременецъ оживился прибытіемъ русскихъ мировыхъ дѣятелей. Загнанный холопъ проходитъ городомъ уже не съ боязнію и поникшей головой,—какъ и что говорить вызвавшимъ его панамъ—мировымъ, а ве-

село и бодро, зная, что правота его восторжествуетъ. Чуждый привѣта и ласки панской, не слыхавшій никогда задушевной бесѣды, не знающій никогда народной осмысленной радости, холопъ перѣдко вводится въ образованный кругъ, и тутъ безъ стѣсненія высказываетъ свои природныя чувства, русское настроеніе, практичность взглядовъ, а подъ часъ и словечко противъ бывшихъ своихъ притѣснителей (1).

Какая разность между прежнею и нынѣшней фізіономіей Кременца!

Св. Стеф. Барановскій.

(1) Въ настоящее время православному крестьянству вмѣсто гнета панскаго, приходится страдать отъ эксплуатаціи Еврейства, которое изъ панскаго городка сдѣлало Кременецъ притономъ грязныхъ, вѣрующихъ въ одного золотого тельца дѣтей Израиля. Которое изъ двухъ золъ больше,—покажетъ будущее. Въ настоящемъ же чувствуется одна тяжелая боль отъ той матеріальной зависимости, отъ Евреевъ, въ которую поставлено православное народонаселеніе Кременца и отъ которой едва ли собственными силами сдѣлается оно высвободиться. *Ред.*